

Переписка Л.Толстого с лидером духоборов П.Веригиным

Среди многочисленных корреспондентов позднего Толстого, подчас самых, на первый взгляд, курьезных, был и лидер русского религиозного движения духоборцев (или духоборов) Петр Васильевич Веригин (1859—1924). Как бы предвосхищая необычность основных биографических данных многих знаменитых в этом веке россиян, энциклопедический словарь указывает рядом с его датой рождения село Славянку Елизаветопольской губернии, рядом же с датой смерти — канадскую провинцию Британская Колумбия. (Предвосхищая — ибо на эмиграцию Веригина и его единомышленников подвинула в 1902 г. еще российская императорская власть.)

Духоборцы, впрочем, прекрасно устроились на новом месте и сразу стали примером для местных жителей не только в моральном, но и в сугубо материальном плане. Примером настолько показательным, что он мог даже раздражать: "...местные жители начинают смотреть на духоборцев с завистью, так как духоборцы общинной организацией скорее могут подняться в материальном хозяйстве и следовательно будут идти впереди англичан". Подробно указав, чем за несколько лет жизни на северо-американской чужбине успели обеспечить себя его единомышленники, Веригин заключает: "Конечно, все это обзаведение окружающих англичан — как самолюбивую расу зlobит, потому они, живя поодиночке, по двадцать лет, и не могут завести паровой молотилки".

Однако в основе благополучия духоборцев лежит отнюдь не идея самодостаточности труда и капитала. Кажется, что это какая-то древняя порода людей, наделенных фантастической душевной энергией и находящаяся в особых отношениях с окружающим их миром. Первоначальные проблемы административного порядка, связанные с переселением духоборцев в Канаду, порождают в их среде "движение к паломничеству", по определению Веригина. Часть возможных "паломников" так объясняет свои душевные волнения:

"Земля здесь плодотворна, и климат если и холоден, но зато очень здоровый, оставаясь жить, мы будем благоденствовать, но там в мире — в человечестве всего земного шара много бедствует людей, наших братьев и сестер, мы пойдем и скажем всем на пути, чтобы люди оставили курить табак, пить водку, иметь ссоры, нужно прекращать военные организации и не унетать сильно людей, своих братьев, например, находящихся в рудниках и других общественных работах".

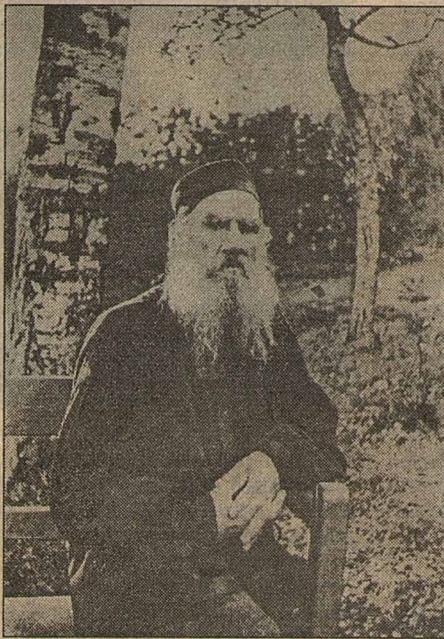
Только что перебравшись с Кавказа в Канаду, наверняка без знания просто английского, не говоря уже о языках "человечества всего земного шара", устраивать планетарный марш по борьбе с курением и эксплуатацией человека человеком?

Но вот проблемы с документальными улажены, и:

"Канадцы начинают приходить в серьезное недоумение: то духоборцы ходят нашим, желая совершенно оставить физический труд, то приобретают самые усовершенствованные сельскохозяйственные орудия и начинают осмысленно работать, защищая пред торговцами средства своего труда. К полезным приобретениям можно отнести с лишком сто жней-хлебокосилок,

которые работают очень чисто и скоро".

Переписка Толстого и Веригина продолжалась с 1895-го по 1910-

Лев Николаевич Толстой.

й, год смерти писателя. В предисловии к ней Лидия Громова-Опульская замечает, что Веригин испытывал какое-то сыновнее чувство по отношению к своему корреспонденту и временами выражал его очень трогательно. Последнее письмо из Канады часто болеющему Льву Николаевичу начинается пометкой: "Попросите прочитать Вам кого-либо из молодых".

В свою очередь, настрой толстовских писем тоже возвышенно-взволнованный. Пожилой писатель с мировым именем просит ссыльного сектанта: "Не могу ли чем-нибудь служить Вам? Вы меня очень обрадуете, если дадите какое-либо поручение".

Первую в истории Нобелевскую премию мира (1897) предполагалось вручить Толстому. Тот, однако, от таковой отказывается и пишет открытое письмо в Швецию, предлагая присудить ее духоборцам.

В этой небольшой книге, подготовленной одним из крупнейших толстовских текстологов, много материала для русистов самого разного профиля. Так, культуролог обратит внимание на главную тему полемики корреспондентов в начале их переписки, а именно: степень необходимости книги, литературы и — по линии все большего обобщения — культуры Нового времени вообще, мыслимой без печатного станка. Толстой защищает литературу или, во всяком случае, предлагает винить в содержании напечатанного не станок, а самого человека:

"Невыгоды книги те, что, во-1-х, бумага все терпит и можно печатать всякий вздор, стоящий таких огромных трудов рабочих бумаги и типографчиков, чего нельзя делать при устной передаче, потому что вздор не станут слушать; во-2-х, те, что они (книги) разрастаются в огромном количестве и хорошие теряются в море глупых, пустых и вредных книг. Но зато выгоды печати тоже очень велики и состоят, главное, в том, что круг слушателей раздвигается в сотни тысяч раз против слушателей устной речи. И это увеличение круга читателей важно не потому, что их становится много, а потому, что среди миллионов людей разнообразных народов и положений, которым доступна книга, отбираются сами собой единомышленники и благодаря книге, находясь за десятки тысяч верст друг от друга, не зная друг друга, соединяются в одно и живут единой душой и получают духовную радость и бодрость сознания того,

что они не одиноки".

Проповедуя радикально иную точку зрения, Веригин пишет в ответ: "Искренне скажу Вам, уважаемый друг Л.Н., из всей Вашей жизни, насколько я Вас понимаю, мне нравятся не писания Ваши в форме книжных сочинений, а нравятся Ваша жизнь".

В словах Веригина точно указана суть устремлений Серебряного века с его установкой на жизнотворчество, на преодоление эстетической самодостаточности искусства и возвращение к корням культуры — культу. И в этом отношении поздний Толстой, пусть и полемизирующий с одним из глав "Христианской общины всемирного братства" на тему "литература или жизнь", все более видится не одиноким старцем, целиком принадлежащим классическому веку русской литературы, а ярким представителем эпохи, пришедшей на смену девятнадцатому столетию.

Гениальный художник тянется к герою-жизнотворцу, любящая его безоглядной силой, подпадая под очарование его несомненной харизмы. Харизмы человека, живу-

Петр Васильевич Веригин.

щего так, как будто рай, обещанный праведникам в награду после их смерти, возможен уже здесь, на земле. Отсюда проистекает его, веригинское, ощущение самых бытовых деталей посюстороннего существования как чего-то равного по своему значению и глубине самым отвлеченным духовным устремлениям:

"Теперь я задался целью, чтобы освободиться от чувства властвовать, а это возможно, когда я освобожусь от зла".

И тут же:

"Посадка садов на новом месте у нас почти закончилась. Посадили крупного сорта деревьев: яблок, слив, черешни, груш, персиков, около пятнадцати тысяч штук, и много мелкого кустарника, 6000 лозок винограда".

Немало любопытного найдется здесь для историка, для литературоведа, исследователя религии. Достаточно указать на то, что все двадцать два письма Веригина публикуются впервые. Лишь одно из них, и то частично, было напечатано в 1901 году в Англии В.Г.Чертковым.

"Стерефония" переписки, именно переписки, а не публикация корреспонденции знаменитости, оставшейся вне зоны слышания реплики адресата, подчас решительно влияющие и на форму, и на содержание писем классика, позволяет нам лучше расслышать шум самого времени.

АНДРЕЙ ЛЕБЕДЕВ

Париж